

ОЛЬГА РЭЙН

ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЕКО,
НЕ БУДЬ КО МНЕ
ЖЕСТОКО

Часть сборника: Русская фантастика – 2018. Том 1 (сборник)

Ольга Рэйн

**Прекрасное далеко, не
будь ко мне жестоко**

«ЭКСМО»

2018

Рэйн О.

Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко / О. Рэйн —
«Эксмо», 2018

«На дне темной старой штольни некому было говорить Женьке, какой он дурак. Но он и сам прекрасно знал. Сломанная нога пульсировала болью, ужас бил в голову красным набатом. — Ду-рак, бу-бух, ду-рак, бу-бух. Мама всегда говорила: «Если с тобой, Жека, что-нибудь случится, я ж не вынесу, будь поосторожнее!» И руки заламывала, и брови поднимала трагически, как когда была Ларисой Огудаловой, а потом в нее стрелял из пистолета противный зализанный хмырь, и она падала и умирала под красивую музыку. Маленький Женька в первый раз заревел на весь зал — с него чего взять, а вот папа додумался четырехлетку в театр притащить. Занавес упал, скрыл лежащую маму, а Женька сопли глотал от ужаса, пошевелиться не мог, что ему шептали, не слышал...»

© Рэйн О., 2018

© Эксмо, 2018

О'Рэйн

Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко

На дне темной старой штольни некому было говорить Женьке, какой он дурак. Но он и сам прекрасно знал.

Сломанная нога пульсировала болью, ужас бил в голову красным набатом.

– Ду-рак, бу-бух, ду-рак, бу-бух.

Мама всегда говорила: «Если с тобой, Жека, что-нибудь случится, я ж не вынесу, будь поосторожнее!»

И руки заламывала, и брови поднимала трагически, как когда была Ларисой Огудаловой, а потом в нее стрелял из пистолета противный зализанный хмырь, и она падала и умирала под красивую музыку. Маленький Женька в первый раз заревел на весь зал – с него чего взять, а вот папа додумался четырехлетку в театр притащить. Занавес упал, скрыл лежащую маму, а Женька сопли глотал от ужаса, пошевелиться не мог, что ему шептали, не слышал.

Но уже через пару минут мама вышла кланяться, живая, смущенная, искала его глазами. Ей люди в зале хлопали, а к Женьке поворачивались и ободряюще улыбались. А хмырь в длинном пиджаке потом представился дядей Борей, дал поддержать бутафорский пистолет и купил в буфете батончик «Марс». Шоколаду в нем было больше, чем Женьке обычно за целую неделю разрешалось, он слопал лакомство и тут же простил мужика. Тем более что мама ему все объяснила про ненастоящую смерть, притворное горе и судьбу актрисы.

Женька представил, как мама, закусив губы, сидит и ждет звонка. Все чаще набирает его номер. Потом начинает ходить по квартире, каждую минуту выглядывает в окно, и от волнения лицо у нее становится белым-белым, кроме грязно-розового шрама через щеку.

Женька застонал, немного поплакал. Покричал «Помогите!» и «Спасите!». Звук никуда не уходил, вяз в тоннах слежавшейся земли, в древних гранитных глыбах Батарейной горы. Даже корни деревьев не слышали. Да и кричал ли он или просто рот открывал? Не понять было, реальность плыла, прорастала черными пятнами.

Выпавший из кармана телефон вдруг завибрировал в двух шагах от него, осветил сломанную балку, земляной пол штольни в гранитном крошечке и оскаленный череп, покрытый клочьями бурых волос. Женька думал, что человеческие черепа более аккуратные, чистые, как в музее. Этот же был покрыт коричневыми потеками и буграми и лежал, присохший к груде тряпья.

Телефон погас. Женька от ужаса и боли неожиданно то ли отключился, то ли уснул. Он открутил время назад и шел из школы через лес не один, а с Илонкой из параллельного пятого «Б», и она опять рассказывала, как друг друга ее брата, черный археолог, нашел в лесу в Пальцево то, о чем все поисковики мечтают, годами копая между корней и обшаривая болота.

– Он типа лаз в склоне приметил, – говорила Илона, и ее карие глаза, подведенные зелеными тенями, блестели от возбуждения. – Там весной дерево старое упало, корнями полхолма выворотило. Залез и видит – кладка каменная. Пополз по ней с фонариком – неглубоко, ноги еще у входа были, когда он нишу в стене нашел, а там – горшочек чугунный засмоленный.

– Клад?! – ахнул Женька.

Конечно, это был клад. Больше сотни монет, серебряных, византийских. В баксах, наверное, тысяч пятьдесят. Или сто. Вот же повезло!

У Женьки аж сердце зашло – ему-то надо было всего двадцать тысяч. Нет, можно и больше, конечно, но двадцать очень нужно маме на пластику, ожог убрать и глаз поправить.

Она бы вернулась в театр, снова носила бы красивую одежду, а не спортивные куртки с капюшонами. По ночам бы не плакала. Они бы вернулись в Питер. И все стало бы, как было до того, как семилетний Женька полез на новогодний стол за вазой с шоколадными конфетами, убранной от него подальше, и спихнул на елку открытую бутылку коньяку и свечку...

Воспоминание было таким обжигающим, что Женька снова очнулся в темноте, сквозь которую невидимо щерился череп предыдущего охотника за сокровищами, обнаружившего когда-то неприметный лаз в конце линии старинных укреплений на Батарейной горе. Его не нашли, и Женьку не найдут.

Но телефон ведь звонил! Мальчик потянулся, заорал, когда пришлось двинуть ногу. Зашипел, наткнувшись на череп. И вот, наконец, холодный гладкий пластик лег в дрожащую руку. Женька облизал губы, нажал на кнопку.

Связи не было. Глупо было надеяться, что сигнал пробьет тонны земли и камня. На экране высветилась напоминка «ПОЗВОНИ РОДИТЕЛЮ» – отец установил, чтобы Женька не забывал ему звонить хотя бы раз в неделю, по четвергам. Говорил – скучает, и зря они с мамой уехали из Питера, к ним не наездишься, особенно когда молодая жена на сносях... Будет девчонка, Женьке на замену. Папа утешится быстро, будто и не было у него непутевого толстого сына, сплошного разочарования.

Женька еще немного порыдал от жалости к себе, но сквозь сладковатую детскую беспомощность пробивалось холодное, взрослое понимание, что мама-то не утешится, что ее горе будет глубоким и безвылазным, как эта штольня. И значит, надо попытаться что-то сделать, пока есть силы, пить хочется умеренно и боль можно терпеть.

Невелика заслуга – лечь тут и помереть, как этот, с черепом. Женька включил экран, осмотрел товарища по несчастью. Решил, что тот, наверное, шею сломал, когда падал. Нога-то – это еще ничего. Больно, конечно – Женька орал как резаный, но с третьей попытки удалось встать на четвереньки. Он посветил вокруг экраном – крошево булыжников, пара сломанных балок, в ширину метра два, а в длину надо проверить. Мальчик зажал телефон в зубах и, царапая руки, пополз через штольню. Противоположную стену нашел, сильно долбанувшись о нее лбом. Сел, посветил. И ахнул.

Стена была из светлого серебристого материала, очень плотного и холодного. Если б можно было сплавить серебро с мрамором, получилась бы именно такая штука.

В гладкую поверхность были врезаны контуры створок больших дверей, таких высоких, что слабый свет не дотягивался до их верха, рассеивался, тенями стекал вдоль глубоких линий. Женька потер лоб, измазав руку кровью – ссадина сильно кровила. Снова потрогал чудесную стену, оставив смазанный отпечаток. И вскрикнул от удивления – белый камень тут же впитал кровь, как и не было. В плотной тишине подземелья вдруг раздался треск, рокот камня, трущегося о камень. Створки дверей дрогнули, между ними возникла щель и начала расширяться, разрезая темноту полосой неяркого серого света. Мальчик отполз назад, наткнулся на что-то мягкое, податливое – ох, еще один мертвец? Оказалось – его собственный рюкзак.

Хорошо: там была бутылка сока и фрукты, мама ему всю неделю давала с собой по яблоку, а он не ел, покупал шоколадки в буфете. Плохо: остался бы рюкзак там, наверху, может быть, его бы нашли, а по нему и Женьку отыскиали?

«История не знает сослагательного наклонения!» – говорил папа. Женька не без труда утешился этой глубокой мыслью и стал ждать, когда дверь полностью откроется. За нею клубилась светло-серая муть, как в парной бане. Потом сквозь нее шагнул коренастый, очень широкоплечий человек – виден был лишь силуэт. Остановился у порога.

– Ты готов? – спросил он хриплым, тихим голосом, которым, тем не менее, заполнил все пространство, как если бы певец Высоцкий очень устал, тихо спел песню, а кто-то потом на колонках звук выкрутил на полную мощность.

Конечно, Женьке сразу захотелось спросить «К чему готов?» или «А вы кто?», или состорожничать и сказать, что, наверное, не готов... пока еще. Но тут же представил, как человек после такого ответа закрывает двери и уходит, а он опять остается в темноте под горой с четырьмя яблоками, сломанной ногой и половиной телефонной зарядки.

– Я готов, – сказал Женька решительно. Пусть его только отсюда вытащат, а он потом разберется.

– Твоя служба нам продлится три года. – В голосе послышалась улыбка, словно человеку понравилось, как Женька ответил. – Для твоего мира за это время пройдет около трех дней, а для твоего тела – пара месяцев. Так соотносятся время и плоть между Мидгардом и Нидавеллиром. Когда твоя служба кончится, ты получишь награду. Еще раз спрошу – ты готов?

Женька подумал, что сильно ударился головой. Или вообще спит. Сейчас телефон заиграет «Прекрасное далеко» (друзьям он говорил, что на будильнике у него – «Гангем стайл») и надо будет вставать, собираться в школу, торопить маму, чтобы не смотрела полчаса в свой кофе, а то опять на работу опоздает.

Но он никогда не понимал героев, которые, сталкиваясь с магией или приключением, по полкниги отказывались верить и бродили по сюжету, бухтя: «Это сон, не может быть». Действовать нужно по ситуации. Сон так сон. Не сон – так тем более.

– Я готов, – сказал Женька. – А что мне нужно делать? И это... у меня не очень хорошо обычно получается. Но я буду стараться.

Человек шагнул ближе к двери, так что светящегося тумана между ними почти не осталось, и внезапно оказался не человеком. Голова у него была слишком большой и круглой, лицо заросло густой седой бородой до середины щек, мясистый нос выглядывал из зарослей, как рыжий кот из куста. Но самыми нечеловеческими были глаза – большие, выпуклые, золотистые, без белков. У Женьки раньше была любимая мягкая игрушка – толстый белек Ва-Вась с такими же огромными глазами из янтарного пластика.

Одет человек был в куртку и штаны из плотной темной ткани. У пояса висел длинный топорик, с одной стороны было лезвие, с другой – что-то вроде колотушки.

«Гном!» – мысленно ахнул Женька, и вопросы из него полетели, как горошины в игре «Цветы против зомби». Он даже про боль в ноге забыл.

– Вы – гном? Вы забираете меня в подземное королевство? В эту... Мэрию, как у хоббитов? И что, правда здесь всего три дня пройдет, а у вас три года? А побыстрее нельзя, а то моя мама совсем изведется? А что я у вас буду делать? Помогать в волшебной кузнице? Я могу, мне в прошлом году паяльник подарили. А работать много надо будет? А там все по-русски говорят? А вас как зовут?

Гном прикрыл огромные глаза тяжелыми веками.

– Ты желаешь знать все, дитя Мидгарда. Это хорошее качество. Мы говорим не на твоём языке, а на моем, из которого произрастают наречия вашего мира. Кроме венгерского, – добавил он, подумав. – Я – Нар из народа цвергов, которых вы называете гномами. Ты не будешь работать в кузнице...

Женька вздохнул.

– Ты будешь сидеть на Кристальном троне, – продолжил гном. – Твое отчаяние и решимость исказили структуру мироздания так, что перед тобою возникли врата Подземных королей. Твоя кровь их отворила. В третий раз я спрошу тебя, готов ли ты войти в Нидавеллир и начать свою службу?

– Я готов, – ошеломленно сказал Женька.

- Тогда войди в свое королевство. – Гном отступил на шаг назад и поклонился.
- Нogu больно очень. Вы мне не поможете? Пожалуйста?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.